

- ицивилизации.-М.:Экспрес,1993.- 576 б.
4. Артықбаев Ж.О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. Санкт-Петербург: Мажор 2005.-320 б.
 5. Масанов Н.Кочевая цивилизация казахов.Алматы: Горизонт 1995.- 320 б.
 6. Хазанов А.М. Кочевники и Внешний мир.Алматы:Дайк-Пресс.2000.- 604 б.

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

СОФИСТИКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Не столь уж много феноменов человеческой мысли, которые столь рельефно вошли бы в грядущие столетия, как софистика. Она и поныне живет в языке, в полемических схватках и словесных баталиях. И современный поэт может обронить: «И что там софизмы нанизывать», невольно демонстрируя жизненность этого древнего слова, пришедшего к нам из далекой Эллады.

В романе же Николая Островского «Как закалялась сталь» комсомолец Панкратов, сдавая своеобразный «экзамен» при поступлении на работу, на вопрос «Кто такие философы» отвечает: «Да жили в Греции. Один такой типчик, фамилии не помню, жил всю жизнь в бочке... лучшим спецом среди них считался тот, кто сорок раз докажет, что черное – это белое... Одним словом, были они брехуны... Философия – это одно пустобрехство и наводка теней. Я, товарищи, этой бузой заниматься не имею никакой охоты. Вот насчет истории партии всей душой бы рад».

Опять-таки и здесь прямой намек на софистику, хотя и без упоминания самого слова, слишком мудреного для комсомольца времен Гражданской.

Так что же такое софистика и насколько мы, сегодняшние, вправе судить о ней, как об историческом явлении, не перекраивая на свой аршин изысканий древних? И, самое главное, в данном контексте: чем она любопытна и для нашего времени – време-

ни интеллектуальной и духовной сумятицы? Насколько уместно и полезно знакомство современного студента с этим непростым феноменом?

Начнем с того, что в отечественной науке бытуют две основные трактовки понятия «софист». Первая была, в частности, четко представлена еще в знаменитой «Истории философии», под редакцией Г.Ф.Александрова, где говорилось: «Софисты» – не есть название определенного философского направления или особой философской школы. Слово «софист», первоначально означавшее «мудрец», «искусник», «изобретатель». Со второй половины пятого в. до н.э. становится кличкой означающей особый тип философа, философа-профессионала, учителя философии». [1]

Так же и в «Философском энциклопедическом словаре» отмечалось, что первоначально слово «софист» по своему значению совпадало со словом «софос», то есть «мудрый», и обозначало человека, авторитетного в различных вопросах частной и общественной жизни». [2] Близкий взгляд на исходное значение слова «софист» можно встретить и в иных изданиях, например, в «Краткой философской энциклопедии», где сказано, что «так первоначально в классической Греции назывались мыслители и мудрецы, позднее – учителя красноречия; благодаря их стремлению добиваться в споре победы любой ценой они превратили спор в пустую, хитроумную, кажущуюся мудрость... Со времен

Сократа софисты имели дурную славу, пока, наконец, во времена Гегеля и Ницше не заслужили лучшей репутации в результате выяснения их значения для практической педагогики». [3]

А в подготовленном немецкими исследователями «Словаре античности» исходное значение понятия еще более суживается и указывается, что слово «софистика» происходит от «софистай» – «учитель мудрости» [4]

Колоритная картина того почтения, которым был изначально окружен ряд учителей-софистов воспроизводится в одном из лучших по информативности и доступности изложения современных учебников философии под авторством А.Г.Спиркина [5]

Показательно, что в одном из диалогов Платона софист Гиппий, стремясь доказать истинность своей мудрости, утверждал, что все, что было на его теле, сделано его собственными руками – и перстень, и обувь, и плащ, и хитон. [6]

Практической сметкой обладал и самый именитый софист, ученик Демокрита Протагор, о котором рассказывали, что он подивил своего будущего учителя тем, что сумел взгромоздить на свои плечи и понести огромную вязанку хвороста, связанную довольно короткой веревкой. Иными словами, в этой незатейливой истории Протагор обрисован буквально, как искусник, умелец.

В целом же, по Платону, софистику изначально понимали, как «мудрость в домашних делах, то есть как наилучше управлять своим собственным домом, и мудрость в государственных делах, то есть как искуснее всего действовать и говорить в отношении государственных дел». [7]

Однако, согласно другому взгляду, слову «софист», «по-видимому, ... с самого начала был присущ известный иронический оттенок: мудрствующий – в отличие от того, кто просто мудр (софос). Можно сослать-

ся на Эсхила, у которого в «Прометее прикованном» в речах прислужника Зевса, слово «софист» дважды встречается именно в таком смысле. В приложении к хитрому и неудачливому титану (стихи 62 и 944) соответственно это слово стало употребляться и для обозначения новых специалистов по социологии. Служа выражением некоторого скепсиса консервативно настроенной публики в отношении этих ученых новаторов, чья наука отдавала особой премудростью, а преподавание казалось хитросплетением словесных уловок...

Но если поначалу термину «софист» был свойствен лишь некоторый уничижительный оттенок, то довольно скоро этот оттенок стал основным. Слово «софист» стало обозначением ученого шарлатана, и этим своим превращением в термин преимущественно дурного значения оно было обязано отчасти общему впечатлению от тех крайностей и ухищрений, которые действительно обнаружились в доктрине и деятельности этих новых учителей мудрости, отчасти же, и еще более, той критике, которой их подвергли за это Сократ и его школа». [8]

Однако перед глазами древних и сам Сократ порою рисовался, как некий жонглер словами и словесный фокусник, о чем красноречиво свидетельствует пьеса Аристофана «Облака». Более того, это жонглирование у Аристофана характеризуется весьма нелестно. Так, один из персонажей комедии, отец сына-должника, идет в сократовскую «мыслильню... для умов возвышенных».

«Здесь, - говорит он, обитают мудрецы. Послушать их,

Так небо – это просто печь железная.

А люди в этой печке – словно уголья.

Того, кто денег даст им, пред судом они

Обучат кривду делать речью правую». [9]

Для отца должника такая школа как раз и нужна. Именно с помощью ее он и надеется отвертеться от взаимоотношений.

Не углубляясь в дебри полемики о собственно софистах, тем более, что сведения о них очень скудны, попробуем, тем не менее, вспомнить наиболее характерные их черты. По крайней мере, в том виде, в каком они предстают перед нами в сохранившихся крупицах духовной истории.

Итак, известно, что собственно софисты – это платные учителя мудрости и красноречия. Согласно одному из диалогов Платона, именно софист Протагор стал первым брать плату за учебу. [10] Однако для нас здесь гораздо важнее иное – социальные, а также онтологические и познавательные-психологические основы софистической риторики. Что касается первых, то уже в древности их связывали с внутри греческой войной пятого века до н.э. По словам Цицерона, софистика «родилась из раздора». [11] Раздор этот побуждал оттачивать оружие не только для поля брани, но и для словесных баталий. К тому же усложнение социальных структур, расширение частной собственности, имущественные споры и т.п. требовали совершенствования в искусстве полемики, которое, как видно уже из комедии Аристофана, приобретало в глазах эллинов и глубоко практическое значение.

Онтологические же и познавательные-психологические основы восходят к еще более глубокой древности. Так, элеаты сконцентрировали свое внимание на противоречивости умопостигаемой сущности мироздания и ее преломления в человеческих чувствах. Апории же Зенона представили это противоречие в виде парадоксов, вроде его знаменитой «Стрелы». С другой стороны, Гераклит Эфесский подчеркивал внутреннюю противоречивость самого мира. Именно в силу этой противоречивости, а не

простой ограниченности наших либо чих-то иных органов чувств «ослы золоту предпочли бы солону», а морская вода в одно и то же время и чистейшая, и грязнейшая: живительная среда для морских рыб и при этом непригодная для утоления человеческой жажды. Непосредственный же (согласно традиции) учитель Протагора и его земляк – Демокрит утверждал, как считают: «Или ничто не истинно, или истинное нам неизвестно» и «ничто не соответствует действительности», но представляется так. Как нам представляется, к примеру, весло в воде». [12]

Но, если бытие противоречиво и то, с чем мы соприкасаемся, сплошь и рядом не может быть оценено однозначно и, более того, воспринимаемое нашими чувствами далеко от реальности, то Истины данной людям раз и навсегда нет и быть не может. В таких обстоятельствах победу в споре способно обеспечить не владение в принципе недостижимой истиной, а искусство полемиста, готового к опровержению любых доводов оппонента, точно также, как, говоря современным языком, шахматист готов к борьбе за клетчатой доске, каким бы цветом ему не выпало играть.

Не удивительно, что, как пишет Диоген Лаэртский, Протагор осмелился утверждать, что «о всяком предмете можно утверждать двояко и противоположным образом... Одно сочинение он начал так: «Человек есть мера всем вещам (всех вещей) – существованию существующих и не существованию несуществующих (существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют)». [13]

Комментируя это положение один из авторов «Истории античной диалектики» замечает: «Неверно было бы считать, что Протагор имел в виду человека, только созерцающего вещи. Нужно признать, что он имел в виду и действующего человека, преобразую-

щего мир вещей практически. Если это так, то тезис Протагора относится не к вещам вообще, а к человеческим делам, а, следовательно, имеет рациональный смысл. Ибо, преобразуя окружающие его предметы, создавая новые вещи, человек тем самым становится мерой вещей (дел).

А что это именно так, подтверждается свидетельством Секста Эмпирика, поясняющего смысл терминов «мера» и «вещей». «Мерой» Протагор называл критерий, а под «вещами» подразумевал дела, то, что делается. В таком случае знаменитый афоризм Протагора приобретает следующий смысл: человек есть критерий всех дел. [14]

Комментарий остроумен и в то же время он дает нам замечательный учебный пример «притягивания за уши» прошлого к определенному его истолкованию, в данном конкретном случае – марксистскому в принятом «советском» формате. Мало того, он оставляет вопросы: мог ли Секст Эмпирик, живший столетия спустя после Протагора, дать бесспорное понимание крылатого протагоровского изречения и Протагора в целом, если из трудов последнего сохранилось столь немного. Так, можно ли, судя по пуговице, оброненной светской красавицей, безапелляционно судить о ее прическе?

Не останавливаясь на подобных, вполне естественных вопросах, обратимся к самому Эмпирику и увидим, что, сопоставляя Протагора со скептиком Пирроном и отмечая, что поначалу кажется, будто у обеих есть общее, Эмпирик, стремясь подчеркнуть различия, писал: «Этот человек (Протагор) говорит, что материя текуча, и при течении ее, на месте утрат ее возникают непрерывно прибавления, и восприятия перемешиваются и меняются, смотря по возрасту и остальному устройству тел. Он говорит и то, что основные причины всех явлений находятся в материи, так что мате-

рией, поскольку это зависит от нее, может быть все то, что является всем, люди же в разное время воспринимают разное, смотря по разнице их настроений: тот, кто живет по природе, воспринимает из материи то, что может являться живущему по природе, живущий же противоестественно – то, что может являться живущим противоестественно. Так же и применительно к возрастам, и в отношении сна или бодрствования, и каждого вида настроений надо сказать то же самое. Таким образом, по его учению, критерием сущего является человек, ибо все, что кажется людям, и существует; то же, чего не кажется никому из людей, и не существует. Следовательно, мы видим, что и о текучести материи, и о том, что в ней находятся основы всего видимого, он выражается догматически, а это вещи неочевидные и для нас (скептиков – Ю.Б.) подлежащие воздержанию от суждения». [15]

Вчитываясь в текст, можно, пожалуй, увидеть и проблески грядущей идеи интенциональности – направленности человеческого сознания и немало иных замечательных догадок, но никаких гимнов собственно делам, преобразованию вещей, да еще в сегодняшнем его понимании, мы, судя по тому же Эпиктету, у Протагора здесь не обнаруживаем.

А ведь и Эпиктет, равно, как и иные авторы веков минувших, не дает нам хотя бы относительно полной картины взглядов знаменитейшего из софистов. Это и невозможно. Почему? – Ответ на вопрос, вероятно, кроется у Диогена Лаэртского: А еще Протагор говорит, *«что душа есть чувства и больше ничего ... , и что все на свете истинно. А другое сочинение он начинает следующим образом: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темн, и людская жизнь коротка». За такое начало афиняне изгнали его из города, а книги его сожгли на площади,*

через глашатаев, отобрав их у тех, кто имел». [16]

Уже эта кроха из вероятного наследия Протагора заставляет усомниться в его «догматичности». Судя по фрагменту, в неочевидном мог сомневаться и он. Все же есть истина, можно, исходя из нам известного, понимать и так, что истинно сладкое, теплое или горькое для одного способно с такой же «истинностью» восприниматься другим, как нечто совсем иное. Тем более, что жизнь и годы неизбежно меняют нас всех; и ноша, бывшая в пору зрелости по-сильной к старости становится чрезмерной – и не просто из-за переменчивости наших суждений, а в силу самой текучести мира вещей и существ, материи.

Но, то чего мы сейчас касаемся, – лишь контуры грандиозной и в огромнейшей мере навсегда утраченной картины мироздания и человека, как его неотъемлемой частицы. Собственно же будущему остались прежде всего лихие полемические приемы софистов, их исследования возможностей человеческого языка, игры словами, уверток и словесных выпалов, которые, подобно фехтовальным приемам, могли бы дать наглядные практические результаты.

Образцы такого рода игры мы встречаем далеко не только у тех, кого относили к собственно софистам, живые примеры чего дает, в частности, так называемое «Жизнеописание Эзопа». Уже здесь мы встречаем замечательный образец умелой игры определениями и остроумного использования нюансов в своеобразном судебном разбирательстве. Так, перебравший хозяин Эзопа, философ Ксанф, в ответ на призывы закончить затянувшееся пиршество, горделиво заявляет, что он мог бы еще выпить море. Философа тут же ловят на слове и предлагают ему заключить пари, согласно которому тот обещает выпить море либо отдать тому, кому это

было обещано, свое имущество и жене. Протрезвев, Ксанф хватается за голову и умоляет хитроумного Эзопа помочь ему найти выход из столь плачевного положения. И что же? – Эзоп находит довольно простое, но далеко не очевидное решение головоломной задачи.

«Вот придет к тебе судья с другим спорщиком и прикажет выпить море. Ты не отказывайся: что пьяным говорил, то и трезвым повтори: пусть поставят стол, пусть рабы встанут вокруг; это произведет впечатление. Ведь весь народ сбежится к берегу посмотреть, как это ты выпьешь море. Когда будет полно народу, ... спросишь (судью): «так каковы у нас условия?». Он скажет: «Чтобы выпить море». Ты спросишь: «И все?» Он ответит: «все». Тогда ты обратишься к свидетелям и скажешь: «Дорогие мои граждане, в море много впадает рек ... а я поклялся выпить только море, а не реки, что в него впадают. Пусть мой противник затворит все реки, и тогда я выпью море...» [17]

Перед нами – блестящий учебный пример, который можно успешно использовать на учебных занятиях, причем двояко: и предлагая самостоятельно найти выход, предложенный Эзопом, и вспомнить аналогичные примеры из художественной литературы, либо публичных дебатов последних лет.

Иной образец определенного использования понятий дает уже другая история, где рассказывается о том, как возжелавший помыться хозяин послал все того же Эзопа, посмотреть: много ли народу в бане. Пришел Эзоп в баню и видит: людей-то моется много, но, подходя к бане, все спотыкаются о камень, а отбросить его в сторону не догадаются. И лишь один человек, спотыкнувшись, откинул камень с дороги.

Воротился Эзоп, говорит Ксанфу: *«Хозяин, в бане был один только человек».*

Когда же раб и философ пришли в баню уже вдвоем и увидели множество народу, хозяин возмущенно спросил: «Что же ты мне сказал: «Один только человек»?»

«-А как же? – отвечает Эзоп. – Видишь вон тот камень? Он лежал на самой дороге, все об него спотыкались, и ни у кого ума не хватало отбросить его в сторону. Сколько народу об него били ноги, а нашелся только один, который как споткнулся, так тут же взял его и отбросил, чтобы другие не спотыкались. Я и подумал, что из всего народа он один лишь был человеком, так тебе и доложил»... [18]

Ту же многозначительную игру слов мы встречаем и в рассказах о знаменитом кинике Диогене. Так, в одном случае он выходит среди белого дня с фонарем на рыночную площадь, поясняя недоумевающим: «Ищу человека». Во втором, когда глашатай возвещает, что такой-то победил на олимпийских играх всех мужей, замечет: он лишь победил рабов (собственных страстей), «а мужей побеждаю я». [19]

Подобная игра с понятиями могла иметь и имела в социальной и духовной истории неоднозначные следствия. С одной стороны, выходя за рамки собственно игры, она могла вести к поискам сути, нередко прикрытой шелухой одинаковых слов, когда не всякое расхожее название оказывалось соответствующим названному. Не эта ли грань проблемы была отчеканена в уже новозаветном: «Много званых, да мало избранных»? [Мф. 20: 16]

С другой же стороны, вычленение нелюдей, не совсем людей, двуногих зверей, не истинных христиан и т.д., и т.п. на протяжении целых столетий многократно становилось идеологическим прикрытием тотального преследования, а то и истребления неугодных. Но очевидно, что сами по себе ни Эзоп, ни Диоген тут не причем. А вот остроумные ходы человеческой мысли, найденные

ими или теми, кто выступал от их имени, могли иметь и имели и упомянутые продолжения.

Как полагают современные ученые, софистические идеи и приемы широко использовались и в политической борьбе. Хотя непосредственно софистических текстов такого рода и не обнаружено, однако античная художественная литература и, в частности, пьесы Еврипида, которые, как полагают, «пронизаны софистическими идеями» зримо демонстрируют применение софистики в политических дебатах, примером чему служат еврипидовы «Просительницы, где разворачивается спор о наилучшем правлении (20):

Вестник (Глашатай)

Кто самодержец (тираннос – точнее самовластитель) здесь? Несу ему

Ответ Креонта, правящего в Фивах,

С тех пор, как Этеокл у Семивратных

Убит рукою брата Полиника.

Тесей

С ошибки речь ты начал гость. Напрасно

*Ты ищешь самодержца – не один
Здесь правит человек, свободен город!*

Народ у власти; выборных смещает

Он каждый год; богатству преумищест

Здесь не дают, права у бедных те же.

Вестник

*Играй мы в кости, я сказал бы: ты
Нам дал очко вперед! Нет у фиванцев*

Один стоит у власти, не толпа.

Никто речами дутыми не кружит

Голов себе на пользу и не вертит

Народом; знавший почести и ласку

Там не вредит потом, и клеветой,

Скрыв прошлое, суда не избегает.

И может ли народ, не разбираясь

В делах и нуждах, государством править?

Надежней опыт – быстрого решения.

Бедняк из сельских, даже, если он

Не грубый неуч, целый день в трудах, -
 Когда ему об общем благе думать?
 Весьма предосудительно для знатных,
 Коль негодяй, который был ничем,
 Достигнет положенья и народом
 Его ничтожный властвует язык.
 Тесей
 Остер, однако, вестник красноречьем
 Не обделен! Коль сам ты выбрал
 путь, -
 Затеял словопрение – так слушай
 Нет ничего для государства хуже
 Единовластия. Во-первых, нет
 При нем законов общих – правит
 царь.
 Нет равенства. Он сам себе закон.
 А при законах писанных – одно
 Для неимущих и богатых право.
 И может смело бедный обвинять
 Богатого в его дурном поступке. –
 И победит слабейший, если прав.
 Свобода в том, что на вопрос;
 «Кто хочет
 Подать совет, полезный государству?» -
 Кто хочет – выступает, кто не
 хочет –
 Молчит. Где равенство найти полнее?
 Там, где народ у власти, выдвиженью
 Он рад бывает новых сильных
 граждан –
 А самодержец в этом видит зло.
 И наилучших, в ком приметил
 разум,
 Уничтожает, трепеща за власть.
 Иной как ниву о поре весеннее,
 Жнет храбрецов и косит молодых.
 Копить ли для детей добро и
 деньги,
 Коль все труды идут в мошну царя?
 Ужель блюсти невинность дочерей
 Для сладострастных прихотей тирана,
 Семью ввергая в плач? Да лучше
 смерть,
 Чем вытерпеть над дочерьми
 насилье...
 Итак, я отразил твой каждый
 довод...» [21]

Комментируя воспроизведенный здесь диспут З.Д.Фролов пишет: «Аргументация, развитая сторонами в этом споре, свидетельствует о большой софистической изощренности афинского поэта. Но эта изощренность и настораживает – она напоминает о крайнем релятивизме софистов и заставляет думать об иных, менее здоровых сторонах их творчества». [22]

Но все ли нам понятно в этом «крайнем релятивизме»? – Нет ли в повторяющихся суждениях о нем штампов настолько привычных, что определенные выводы кажутся очевидными? И так ли уж очевидна эта самая очевидность?

Возьмем хотя бы те «Диалоги» Платона, где перед читателем разворачивается сократова полемика с софистами и, прежде всего, с самым именитым из них – Протагором. В чем суть этой полемики? – В способах рассуждения? В принципиальном различии позиций? – И над этими вопросами уместно поразмыслить, но неспешно. Так, в «Протагоре» Сократ порою видится большим софистом, нежели сам Протагор. Великий афинянин блестяще демонстрирует свое искусство словесной акробатики. Его изыскания – это поиски словесных определений, четких границ понятий, то есть все то, что исследователи подмечают у софистов и то, без чего был бы немислимым последующий взлет строгой европейской научной мысли. У Протагора же, напротив, сквозь покровы фраз местами явно просвечивает невтискиваемая в слова текучесть мира. Здесь он, скорее, ближе к Гераклиту, даосам, дзэн-буддизму и собственно философии, а не строгой науке. Так, на развернутый вопрос Сократа о наслаждениях и тяготах в их связи со злом либо благом Протагор отвечает: «Не знаю, Сократ, должен ли я ответить так же просто, как ты спрашиваешь: все вообще приятное хорошо. А все тя-

гостное – плохо. Мне кажется, что не только для ответа сейчас, но и для всей моей жизни надежнее мне сказать, что бывают и такие наслаждения, что не хороши, и, в свою очередь, такие тяготы, которые неплохи, но бывает и наоборот. Третий же случай – ни то, ни другое, ни плохо, ни здорово». [23]

Но какова же собственная цель того же самого диалога Сократа с Протагором? Как следует из самого текста, это – прежде всего состязание в мудрости, своего рода агон; и предмет разговора – лишь средство для испытания полемического искусства обеих, точно так же, как меч, лук или копье могли бы быть выбраны как средство испытания воинского искусства.

Более того, платоновский Сократ в этом диалоге вовсе не отмечает софистику, как нечто недостойное. Напротив, он говорит, что самая древняя философия была известна на Крите и в Лакедомоне и «самое большое на земле число софистов» было там же. Но и критяне, и лакедемоняне делали вид, что они невежественны, не желая показывать, что «они превосходят мудростью всех эллинов».

«А что я говорю правду и что лакедемоняне действительно наилучшим образом воспитаны для философии и словесности, это вы можете узнать вот из чего: если бы кто захотел сблизиться с самым захудалым из лакедемонян, то большую часть нашел бы его на первый взгляд слабым в речах; но вдруг, в любом месте речи, метает он, точно могучий стрелок, какое-нибудь замечательное изречение, короткое и сжатое, и собеседник кажется ничуть не лучше ребенка». [24]

Неприятие же Сократа вызывали претензии на всезнайство, на всеобъемлющую мудрость, перераставшие в мудрствование и превращавшие знания в своего рода пьедестал для собственного «я». Особенно зримо это неприятие проступает в диалоге «Гиппий Большой», где Сократ сначала

иронично поддакивает знаменитому софисту, похваляющемуся тем, как много он заработал своим умом: «Ты, Гиппий, приводишь прекрасное доказательство мудрости, и своей собственной и вообще нынешних людей – насколько же они отличаются от древних! С Анаксагором произошло, говорят, обратное тому, что случается с вами: ему достались по наследству большие деньги, а он по беззаботности все потерял, вот каким неразумным мудрецом он был! Да и об остальных, живших в старину, рассказывали подобные вещи. Итак, мне кажется, ты приводишь прекрасное доказательство мудрости нынешних людей по сравнению с прежними. Многие согласны с тем, что мудрец должен быть прежде всего мудрым для себя самого. Определяется же это так: *мудр тот, кто заработал больше денег*» (разрядка моя. Ю.Б.) [25] Как созвучны эти слова расхожему современному: «Если ты такой умный, то почему же ты не богат?» - Но сократовские слова дышат иронией, и очень скоро он легко убеждает слушателей, что претенциозный Гиппий далек от всезнания. Впрочем, и себя самого он не склонен переоценивать. Уже в другом «диалоге», дающем, как представляется, ключик к парадоксальному высказыванию «Я знаю, что ничего не знаю», которое не стоит воспринимать слишком буквально, вне контекста всей умственной деятельности Сократа, этот афинянин говорит собеседнику: «...ты неправильно обо мне судишь и думаешь относительно меня, как афинская чернь, будто если я любознателен, значит я что-то знаю. Я же могу только молить богов о том, чтобы иметь самые общие понятия, настолько далек я от избыточных знаний». [26] Таким образом, Сократ жаждет знаний, но отнюдь не претендует на то, что обладает ими сполна или хотя бы с относительной полнотой.

Однако и знания сами по себе, без их соотнесения с личными потребностями и возможностями их приобретающего, - тоже еще не безусловное благо. И в этом – еще одна из граней критического отношения Сократа (в его платоновском описании) к тем, кого в его дни именовали софистами. Так, оправляясь на встречу с Протагором, Сократ беседует с Гиппократом, о том кто же такие софисты? Гиппократ высказывает положение о том, что софист – «знаток о мудрой вещах», то есть своего рода искусник. Сократ же встречает это суждение вопросом о том, чем же эта искусность, ведь софисты – не живописцы и не плотники, чью искусность так легко определить. Так, может быть, размышляет Гиппократ, софист – это «человек искусный в том, чтобы делать других людей сильными в речах?»

Но, по Сократу, можно делать сильным другого лишь в речах о том, в чем ты сам сведущ. А в чем сведущи софисты? Так как же идти на учебу к софисту, не ведая о том, что тот предложит? – «... не будет ли наш софист чем-то вроде торговца, или разносчика тех припасов, которыми питается душа? По-моему, ...он таков.

- Но чем же питается душа, Сократ?

- Знаниями, разумеется ... Только бы, друг мой, не надул нас софист, выхваляя то, что продает, как тот купец или разносчик, что торгует телесною пищей. Потому что и эти сами не знают, что в развозимых ими товарах полезно, а что вредно для тела, но расхваливают все ради продажи, и покупающие у них этого не знают, разве случится кто-нибудь сведущий в гимнастике или врач. Так же и те, кто развозят знания по городам и продают их оптом, и в розницу всем желающим, пусть они и выхваляют все, чем торгуют, но, может быть, друг мой, и у них некоторые совсем не знают толком, хорошо ли

то, что они продают, или плохо для души; и точно также не знают и покупающие у них, - разве опять-таки случится кто-нибудь сведущий для врачевания души. Так вот, если ты точно знаешь, что здесь полезно, а что нет, тогда тебе неопасно приобретать знания у Протагора, и у кого бы то ни было другого; если же нет, смотри, друг мой, как бы не проиграть самого для тебя дорогого. Потому что ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного...» [27]

Приведенное здесь суждение многозначно. Ведь речь может идти и о добротности знаний, и о чем-то большем, чем простая добротность. Так или иначе, а перед нами очерчена проблема, злободневная и поныне. Существенно и то, что опять-таки и здесь мы пока не видим прямого отторжения софистики как полемического искусства и пути осмысления действительности.

Безусловную критику софистической техники ведения споров дает уже не Сократ, а Аристотель [28], сосредоточивший свои изыскания в этой области в так называемых «Софистических опровержениях». Согласно Аристотелю, «софистика – это мнимая мудрость, а не действительная, а софист – это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости». [29] Интересно, что, хотя об Аристотеле писали, что его «не поцеловала Муза», намекая на сухость языка «Первого учителя в сравнении с платоновским, однако рассуждения Стагирита о мнимо мудрых умозаключениях не лишены образности. «В самом деле, так же как это бывает и в других областях ... так и приведении доводов. Ведь поведение одних людей действительно безукоризненно, у других это только кажется, поскольку они принимают важный вид... И одни красивы своей красотой, а другие только кажутся таковыми, поскольку они прихора-

шиваются... Таким же образом и одни умозаключения и опровержения действительные, а другие нет, но кажутся такими по неопытности». [30]

Как бы ни оценивать пристрастность Аристотеля (равно, как и Платона) по отношению к собственно софистам [31], аристотелевский анализ «софистических опровержений» и сегодня представляет огромный практический интерес, ведь у него по сути дела речь идет о том, что сегодня называется «манипуляцией сознанием».

Показательно, что аристотелевский анализ затрагивает не только сугубо логические, но и психологические моменты, причем такие, которые довольно часто упоминаются и сегодня. Так, согласно Стагириту, к числу приемов, вводящих в заблуждение либо мешающих достичь сути, можно отнести чрезмерно удлиненную или ускоренную(!) речь, а также попытки вывести противника из состояния равновесия.

Имеются и риторические увертки, основанные на двусмысленности и одноименности либо на смешении названия, символа и собственно предмета. Бывает и так, что задают более, чем один вопрос, а требуют одного ответа. Например: «Человек ли этот и тот? Да. Значит, если бьют этого и того, то бьют одного человека, а не двух человек». [32]

В целом эта относительно небольшая работа Аристотеля необычайно поучительна. Но она требует особого рассмотрения. Что же касается софизмов, включая и те, которые были упомянуты Стагиритом, то многие из них вошли в историю, как забавные образцы словесной игры, такие, как, например, софизм «Рога», «Покрытый человек» или шуточный софизм о собаке: «Эта собака имеет детей. Значит, она – отец. Но это – твоя собака. Значит, она – твой отец». [33]

Подытоживая сказанное, хотелось бы обратить внимание на то, что

именно изучение этой грани отнюдь не плоского опыта софистов, причем в соотнесении с примерами нынешних политических и иных дебатов, представляет немалый интерес. Ведь и сегодня внешняя логичность, насыщенность информацией, эффективность не столь уж редко используются для достижения результата, не имеющего непосредственного отношения к реальному положению дел. Опыт древних полемистов и поныне используется в том, что именуется информационными и психологическими войнами. Обратной же стороной этой преемственности становится периодически обостряющаяся достаточно массовая неприязнь к «словоблудию», «вешанию лапши на уши» и т.п., переходящая в правовой и политический нигилизм, чреватый, как показывает история, серьезнейшими социальными последствиями. Иными словами, для более полного осмысления реалий современности очень важно не просто изучение софистики, либо иного исторического явления, но и того, что могло вызывать и вызывало отторжение, оборачиваясь рьяным неприятием «дипломированных лакев...», а вкупе с ними и многого того, в чем концентрируется колоссальный потенциал человеческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ.соч. Т.1, М.: ОГИЗ –Политиздат, 1941. с.11
2. Указ. соч., М.: Советская энциклопедия, 1983. с.628. Живший во 2-м – 3-ем веках нашей эры римский автор «Жизнеописания софистов» Флавий Филострат так писал о них во вступлении к своему труду: «Древние называли софистами не только риторов, превосходное красноречие которых завоевывало им блестящую репутацию, но также философов, которые излагали свои теории с особой плавностью».
3. Указ. соч. – М.: Прогресс. 1994, с.427.
4. М : Прогресс, 1989, с.539.

5. Философия. – М.: Гардарики, 2002. с.46 – 50.
6. История античной диалектики. – М.: Мысль, 1972, с.137
7. Цит. по Фролов З.Д. Факел Прометея. – Л.: ЛГУ, 1991. с.155. См. также в несколько ином переводе в кн.: Платон. Избранные диалоги. – М.: Художеств. Лит, 1965, с.60.
8. Там же, сс.155 – 156.
9. Аристофан. Том.1. Комедии. – М.: искусство, 1983, с.150.
10. Платон. Избранные диалоги ..., с.99.
11. История философии. Т.1 ... , 1941, с.118.
12. Таранов П.С. Анатомия мудрости. 106 философов. Т.1 – Симферополь: Таврия, 1995, с.195.
13. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979, с. 375.
14. Указ. соч. ... сс.138 – 139.
15. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1976. Т.2 с.252 – 253.
16. Диоген Лаэртский ...с.375.
17. Эзоп. Басни. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001, с.79.
18. Там же, сс.74 75.
19. Диоген Лаэртский ... с.247.
20. Фролов З.Д. ...сс.157 – 158.
21. Еврипид. Том 2. Трагедии. – М.: Искусство, 1980, сс.531 – 533.
22. Фролов З.Д. ... с.159. По словам А.Ф.Лосева, в отличие от интуитивной философии ранней классики, в относимой к средней классике философии софистов характеризует дискурсия (использование аргументов, доводов, тяготеющих к строгим понятиям), но дискурсия, проявившая себя в отрицательной форме... «такая исключительная дискурсия, очевидно, разрушала цельную картину мира и вносила черты некоторого релятивизма». Примером же «положительной дискусии» стали сократические беседы. (Лосев А.Ф. История античной диалектики. – М.: Мысль, 1989, с.59.
23. Платон. Избранные диалоги. – М.: Художеств. лит., 1963, с.102.
24. Там же, сс.90 – 91.
25. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1.. – М., 1990, с.388.
26. Платон. Диалоги. – М., 1986, с.416. Показательно, что при этом Сократ добавляет: «То, что я ... говорю (в беседе – Ю.Б), это отзвуки речей мудреца Продика», или, иначе говоря, не плоды лишь его личных размышлений. Продик – представитель старших софистов. О более поздних софистах см. в: А.С.Мельникова. Социальный статус софиста в «Жизнеописании софистов «Флавия Филострата. – В кн.: исследования и публикации по истории античного мира. – Санкт-Петербург, 2002.
27. Платон. Избранные диалоги. С.53-54.
28. В частности, в «Истории философии в кратком изложении под ред. И.Богута отмечается, что определенная уничижительная и презрительная «умеренно презрительная») окраска термина «софист», видимо, идет именно от Аристотеля. – Указ. соч. – М.: Мысль, 1994, с.123.
29. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978, с.586
30. Там же, с.535.
31. См., например, «История философии», т.1 (М.. 1941), с.120.
32. Аристотель. Там же, с.544
33. Цит. по: таранов П.С. Указ. соч., с.155.

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОТОК СОЗНАНИЯ И ДВИЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Сегодня в Казахстане вузовская философия изучается в целом скорее как история философии, а не предмет,

сгруппированный вокруг определенных узловых проблем. В этом есть и свои плюсы, и свои минусы. Обсуж-